

УДК 930

## КРИЗИС ВОЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ В СССР: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РАЗВИТИЯ

**Шишкин В.А.***Куйбышевский филиал НГПУ, Куйбышев, e-mail: evrazia@mirbis.ru*

В статье рассматриваются основные формы, в которых протекал кризис военного самосознания в СССР в 1936-1942 годах. Показано, что кризис носил системный характер, а его формы и уровни охватывали как высшее командование и генералитет, так и широкие массы красноармейцев и мирных жителей. Изучение форм развития актуально сегодня для изучения самосознания граждан России находящейся в состоянии перманентного кризиса. Особенно нарастает идеологический кризис, что напрямую связано с исключением идеологии из Конституции России.

**Ключевые слова:** национальное самосознание, военное самосознание, кризис, формы кризиса, уровни функционирования, война, идеология

## MILITARY CRISIS CONSCIOUSNESS IN THE USSR: BASIC FORMS OF DEVELOPMENT

**Shishkin V.A.***Kuibyshev branch NSPU, Kuibyshev, e-mail: evrazia@mirbis.ru*

This paper examines the main ways in which flowed military identity crisis in the USSR in 1936-1942 years. It is shown that the crisis was systemic in nature, and its forms and levels ranged from the high command, and the generals and the broad masses of soldiers and civilians. The study forms of true today for the study of consciousness of Russian citizens in a state of permanent crisis. Especially growing ideological crisis that is directly connected with the exception of the ideology of the Russian Constitution.

**Keywords:** national self-consciousness, self-consciousness of war, crisis, crisis forms, levels of functioning, war, ideology

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, описывая подготовку СССР и Красной Армии к войне и катастрофические поражения в начальном периоде Великой Отечественной войны, отметил в мемуарах различные формы кризиса военного дела, а значит и военного самосознания, как особой составляющей национального самосознания [7, с. 333, 337, 368, 371, 383]. Однако маршал Жуков был верным приверженцем идеологии марксизма и не оперировал понятиями национального самосознания, а идеология марксизма в СССР подавляла всякие попытки не классового самосознания, прежде всего у самого русского народа.

Мировые войны имеют геополитические причины, в основе которых лежат интересы развития локальных цивилизаций. В СССР анализировали политико-экономические причины войн, но каждая Большая война вносит серьёзные поправки в философию войны. Новое понимание философии войны вносят не только стратеги, но и талантливые практики войны, что понял ещё известный военный теоретик генерал К. Клаузевиц. Но переходим к формам кризиса военного самосознания в СССР, которые выведены из военных документов, исследований отечественных и иностранных историков и мемуаров отечественных и германских маршалов и генералов, офицеров и рядовых солдат.

Во-первых, это пресловутая готовность генералов к прошлой войне, которую отмечал У. Черчилль для стран Европы. В училищах и академиях Красной Армии изучался боевой опыт Первой мировой войны и Гражданской войны. После советско-финской войны изучался печальный опыт боёв на линии Маннергейма и были приняты очевидные меры по устранению грубых ошибок в подготовке войск. Хотя в Генеральном штабе изучали боевой опыт кампаний 1939-1940 годов Вермахта в Западной Европе, но в Академии Генштаба он не изучался, что выглядит более чем странным по отношению к наиболее вероятному противнику в приближающейся войне!

А ведь в 1920-е годы командующий Люфтваффе Г. Геринг служил в СССР на аэродроме под Липецком, а идеолог создания танковых объединений и их операций Г. Гудериан стажировался в танковом училище в Казани, и вообще многие офицеры рейхсвера прошли обучение в СССР. Следовательно, германские военачальники внимательно изучали теорию использования, опыт и структуру военно-воздушных сил и бронетанковых войск Красной Армии – будущего противника. На военных учениях в частях и соединениях РККА перед войной практиковались упрощённые задачи без взаимодействия с другими родами войск, ма-

невры часто были далеки от реальных боевых условий.

Жёсткая иерархическая структура единоначалия – армия – предполагает успешную карьеру при соблюдении правил поведения внутри неё. Главный оценщик способностей офицеров и генералов в мирное время – военачальник с основным принципом: «Приказы начальства не обсуждают, их выполняют!» Поэтому успешные в карьере «мирные» генералы – заведомо не самые лучшие в сражениях с талантливыми противниками, имеющими боевой опыт.

Во-вторых, военная доктрина СССР была наступательной и не рассчитана на войну со стратегическим отступлением армии вглубь страны перед превосходящими силами противника, в связи с чем образовалась уязвимость размещения войск, военных аэродромов и складов боеприпасов в приграничных районах. Сказалась идеологическая обусловленность военной доктрины, согласно которой вооружённая передовая идеологией и техникой Красная Армия при нападении на территорию страны решительным ударом опрокинет агрессора и будет воевать на чужой территории. Доктрина была закреплена в Боевом уставе 1939 года, переоценивала мощь Красной Армии и недооценивала мощь армии потенциального противника, к тому времени собравшего под свои знамёна экономические и людские ресурсы всей Европы.

Нарком ВМФ Адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов отметил в своих мемуарах, что представления И.В. Сталина о боеготовности Красной Армии перед войной характеризовались завышенной оценкой, несмотря на печальный опыт советско-финской войны [1, с. 37]. Необходимо заметить, что самообольщение происходило не только и не столько из-за личных качеств вождя (так называемой прозорливости и недоверия к реальным фактам), сколько из-за благостных докладов советских генералов об этой боеготовности.

Маршал И.С. Конев отмечал: в Красной Армии на предвоенных учениях отступление войск не планировалось и не изучалось на практике. Между тем в оперативном искусстве отступление является наиболее сложным видом сражения, так как требует намного большей выучки и выдержки войск в арьергардных боях, нежели в наступлении. В связи с этим Конев напомунал слова Л.Н. Толстого о характере Крымской войны: «необученные войска не умеют отступать, они могут только бежать». Эта необученность войск, включая офицеров и генералов, приводила к потере управления войска-

ми и полному разгрому дивизий и армий летом 1941 года [11, с. 562].

В-третьих, отсутствие в СССР высшего органа военного управления на случай начала войны. При этом даже не была отработана на практике концепция Ставки Верховного Главнокомандования, хотя планы отработки такого управления на больших командно-штабных учениях Красной Армии в 1941 году имелись. Работа Ставки ВГК в первые месяцы войны была недостаточно эффективной в условиях быстрых изменений на фронте и понадобилось две реорганизации этой структуры. В Германии существовали два органа военного руководства – ОКВ и ОКХ, то есть генеральные штабы Вермахта и Сухопутных войск – которые приобрели опыт руководства современной войной в ряде захватнических войн: в Чехословакии, Польше, Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии. Кроме того, А. Гитлер готовил себя как военный вожь Германии и приобрёл опыт руководства войной.

И.В. Сталин сосредоточился на руководстве мирным строительством государства и экономики, на долгие годы поручив вопросы внешней политики наркомом иностранных дел, а Красную Армию доверил своему соратнику по Гражданской войне К.Е. Ворошилову. Г.К. Жуков отмечал: по мере развития войны Сталин всё больше опирался на аппарат Генерального штаба и ближайших к нему военных и принимал решения с учётом коллективного интеллекта. То же самое в поведении Сталина отмечал А. Кларк, как и противоположность поведения А. Гитлера в отношениях с ведущими генералами Вермахта [9, с. 234].

В-четвёртых, как и военное руководство уже разгромленной Франции, не учтя её печального опыта, военное руководство СССР придерживалось старой схемы ведения большой войны, по примеру Первой мировой войны. Война с Германией должна начаться с небольших приграничных сражений, пока к западным границам не подойдут основные оперативно-стратегические группировки Красной Армии. В действительности массовое применение Вермахтом авиации и танковых объединений привело к одновременному вводу в сражения всех сухопутных и воздушных сил на широком фронте.

В-пятых, объективная неготовность высших военных СССР взять на себя ответственность Верховного Главнокомандующего и дуализм должности Верховного Главнокомандующего в первые недели войны. Ни один из Маршалов Советского Союза и генералов армии не смог взять на себя полноту управления Ставкой ВГК в силу неведения ими вопросами руководства

государством, внешней политики и управления экономикой страны.

Первоначально назначенный Главнокомандующий Вооружённых Сил – он же председатель (должность для органа партии или государства, но не для воюющей армии!) Ставки Главного Командования нарком обороны маршал С.К. Тимошенко оказался фактически младшим дуумвиром в связке со Сталиным, и несколько недель на этом посту был вынужден согласовывать с ним все серьёзные решения. В первые месяцы войны проявилась неполная готовность к такому посту также и руководителя партии большевиков и фактического руководителя страны – И.В. Сталина, хотя у него был опыт организации войск в качестве члена Революционного Военного Совета многих фронтов в Гражданскую войну.

Назначение Сталина Верховным Главнокомандующим в условиях политической системы СССР не только персонально, но и институционально оказалось логически стройным и завершённым актом. Высшая власть в стране от Политбюро ЦК перетекала в 1939 году к Совнаркому (правительству), в силу совмещения постов Сталина в Политбюро и Совнаркоме. И.В. Сталин незадолго до войны стал председателем Совнаркома СССР и сосредоточил в руках государственную и политическую власть, что было логично в условиях подготовки к большой войне.

Миф зачинщика репрессий 1937-1938 годов Н.С. Хрущёва о том, что вождь страны в первые дни испугался и впал в прострацию, далёк от действительности: об этом свидетельствует журнал приёмов И.В. Сталина в первые дни войны: он принял много людей, как политиков, так и военных и хозяйственников [12]. И сейчас историки опираются на вымысел Хрущёва: это отражает гражданский раскол национального самосознания России на рубеже XX-XXI веков по поводу роли Сталина в советской истории и самого этого периода.

В-шестых, к началу Великой Отечественной войны высшее военное руководство страны оказалось не компетентно в вопросах выработки стратегии современной войны. Стоявшая у границ вражеская армия изменила саму философию войны, что не осознало руководство РККА. Во-первых, вместо позиционной войны 1914-1918 годов маневренная война на всех фронтах; во-вторых, тотальная война не на победу над Россией, а на уничтожение СССР. В-третьих, война моторов вместо прежней войны пехоты и кавалерии, следовательно, коренное изменение мобильности германских войск благодаря применению авиации,

танков, автотранспорта, инженерных войск и связи; в-четвёртых, война высоких технологий и массового промышленного производства. В-пятых, реальная неготовность управлять войсками в таких масштабах и в условиях быстро изменяющейся обстановки на фронте, что выявилось в первые дни войны прежде всего в работе Наркомата обороны и Генерального штаба РККА.

И.В. Сталин и Генеральный штаб РККА под руководством Г.К. Жукова ошиблись в направлении главного удара Вермахта и сосредоточили основные силы на Украине, а удар последовал через Белоруссию. Серьёзная ошибка Сталина и наркома обороны С.К. Тимошенко состояла в том, что после учений высшего командного состава в декабре 1940 года начальником Генерального штаба Красной Армии был назначен генерал армии Г.К. Жуков, сложившийся как военачальник на командных должностях. Он признавался, что на этом посту обладал слабым пониманием стратегических вопросов и не был пригоден к штабной работе. К тому же, как отмечал К.К. Рокоссовский, Г.К. Жуков был болезненно самолюбив и его личное «я» часто превалировало над общими интересами [12, с. 111].

Э. Бивор недвусмысленно считает И.В. Сталина малокомпетентным диктатором, мешавшим успехам военных в войне, поэтому приписывает Г.К. Жукову разработку новой военной доктрины и её реализацию путём подбора «новых кадров» вроде генерала Рокоссовского (последний ещё в 1930 году был начальником и учителем Жукова). [3, с. 314]. На самом деле военная доктрина и обновление боевых уставов в ходе её реализации – это плод коллективного творчества фронтовых генералов и руководства Ставки ВГК, организаторского таланта и железной воли самого Сталина. Что следует из мемуаров маршалов Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского и других.

Например, после письма с фронта танкового генерала М.Е. Катюкова И.В. Сталину об изменениях в практике управления танковыми войсками в бою, необходимые коррективы в уставы были приняты Сталиным в короткий срок. Известный герой Сталинграда генерал В.И. Чуйков внёс большое количество творческих новшеств в тактику городских боёв. И не случайно именно его 8-я гвардейская армия была переброшена в Белоруссию с юго-западного театра войны на направление главного удара и впоследствии штурмовала Берлин.

В-седьмых, военное самосознание СССР перед войной отличалось наличием системных противоречий между уровнями стратегического управления, с одной

стороны, и оперативного и тактического управления, с другой. Это отмечали в своих мемуарах маршалы А.М. Василевский и К.К. Рокоссовский. В то время как генералы и офицеры в приграничных округах считали войну неизбежной в самом скором времени, их заставляли верить в добросовестность исполнения Германией пакта о ненападении и затыкали рты. Офицеры же могли попасть под суд военного трибунала за «панические настроения».

Но даже в высшем военном руководстве были трения между Сталиным и наркомом обороны Тимошенко по поводу подготовки Вооружённых Сил. Часто нарком своей властью проводил в войсках мероприятия, которые не надо было согласовывать со Сталиным из-за их невысокого уровня, но эти мероприятия были вразрез с мнением Сталина. Характерно, что довоенные маршалы С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов и С.К. Тимошенко, командуя стратегическими направлениями, ситуацию стратегического отступления и катастрофических поражений лета 1941 года переломить не смогли.

В-осьмых, недопустимо слабая готовность генералов оперативного звена – командующих фронтами и армиями, а также генералов и офицеров тактического звена – командиров соединений и частей к реальным условиям войны.

Суть войны глубоко выразил трижды Герой Советского Союза маршал авиации А.И. Покрышкин: «Одним героизмом добываются победы случайные. Героизмом и тактикой – постоянные». В более широком смысле: невозможно достичь общей победы в войне одним массовым героизмом при недостатке военного искусства! А между тем в кадровой политике Наркомата обороны были допущены крупные просчёты при назначениях генералов оперативно-стратегического и оперативного звена: командующих округами и армиями. Из более двух десятков предвоенных командующих округом в сражениях смогли успешно командовать фронтами только трое: генерал армии Г.К. Жуков, генерал-лейтенанты И.С. Конев и А.И. Ерёменко, последний – далеко не сразу.

На смену высокопоставленным бюрократам в ходе войны выдвинулись и освоились с командованием фронтами предвоенные командиры корпусов и дивизий, а также трое начальников штабов или оперативных отделов фронта и Генерального штаба. Большинство командующих фронтами на начало 1945 года начинали войну в звании генерал-майора, а двое – даже полковниками: И.Д. Черняховский и И.Х. Баграмян.

Весьма показателен отзыв о советских генералах наркома внутренних дел и заме-

стителя Председателя Совнаркома по оборонной промышленности Л.П. Берии: «Армейские генералы очень виноваты перед страной и народом, армию готовили плохо, технику осваивали плохо, больше блестящими сапогами любовались, чем делом. Даже когда РККА почистили, гнили осталось много, как показала война».

И воевали в начале войны плохо. Не все, но чем выше был командир, тем хуже командовали. Тимошенко и Жуков и весь их аппарат фактически провалились. Плохо к войне подготовились» [2, с. 94]. Как бы ни относились к довоенной деятельности и личности Берии в настоящее время, тем не менее, – это мнение Маршала Советского Союза и руководителя атомного и ракетного проектов СССР.

Маршал К.К. Рокоссовский охарактеризовал бывшего в подчинении у него в начале 1930-х годов генерала армии Д.Г. Павлова, как очень слабого командира, а генерал-полковника М.П. Кирпоноса назвал парой Павлову и отметил его нежелание глядеть в глаза фактам войны [12, с. 111]. А оба они командовали крупнейшими и наиболее важными военными округами – Киевским и Западным.

В.В. Кожин справедливо отмечал, что репрессированные за участие в военных заговорах военачальники 1893-1897 годов рождения не имели боевого опыта в Первой мировой войне. Они сделали свою карьеру в Гражданскую войну под опекой Л.Д. Троцкого и уже в 21-25 лет командовали армиями и фронтами, получив должности полных генералов и фельдмаршалов русской армии [10, с. 82]. Но даже великие А.В. Суворов и М.И. Кутузов первые генеральские звания получили в 39 лет, а ещё один непобедимый полководец М.Д. Скобелев стал генералом в 34 года!

На смену героям Гражданской войны пришли вовсе не неопытные и бездарные военачальники, а люди с другим военным опытом, хотя поначалу и его не хватало. Командующие фронтами, выдвинувшиеся в ходе Великой Отечественной войны, были одинакового возраста с репрессированными маршалами и генералами и поднимались по ступеням командования, не перепрыгивая должностей. Наличие практики командования и военное творчество на всех уровнях – прочная основа их выдающихся побед.

В-девятых, нарушение принципов единоначалия и централизованного управления в армии Ставкой и Генеральным штабом, и не только в связи с наличием института политических комиссаров в первый период войны. Очень яркий пример ущербности этого пережитка гражданской войны – тя-

жёлое поражение Крымского фронта в результате некомпетентного вмешательства, подмены командующего фронтом членом Военного совета фронта – военным комиссаром Л.З. Мехлисом. Последний вдобавок был выше по должности, как замнаркома обороны и как нарком Госконтроля, чем командующий фронтом генерал Д.Т. Козлов. Это следствие характера власти в СССР: в критические моменты партийные органы перехватывали её у органов государства.

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский критиковал институт представителей Ставки ВГК на фронтах, который порождал противоречия между высшими военачальниками, двойственность управления войсками фронтов, за их вмешательство в компетенцию командующих фронтом без прямой ответственности за своё вмешательство. Также К.К. Рокоссовский отмечал частое нарушение Генеральным штабом Красной Армии принципа централизованного управления войсками при выездах начальника Генштаба А.М. Василевского на участки фронта в сложных оперативных условиях войны.

В-десятых, рассогласование стратегии и оперативного искусства в Ставке ВГК в начальном периоде войны, то есть глубокое несоответствие поставленных стратегических задач оперативной обстановке на фронтах, соотношению сил Вермахта и Красной Армии. Маршал К.К. Рокоссовский отмечал ряд ситуаций, когда Ставка ВГК и Генштаб, спеша выиграть войну, делала грубые стратегические ошибки, как в приграничных сражениях 1941 года, так и под Харьковом в 1942 году.

Весной 1942 года вместо разработки плана стратегической обороны Ставка ВГК потребовала наступления войск фронта С.К. Тимошенко, не имея крупных стратегических резервов на лето после зимнего контрнаступления под Москвой. Что и привело к возврату стратегической инициативы полностью в руки Вермахта и появлению германских армий на Волге и Северном Кавказе [5, с. 234; 11, с. 26, 30].

В-одиннадцатых, боязнь ответственности за принятые в бою решения, отсутствие оперативной и тактической самостоятельности, характерная для генералов и офицеров Красной Армии в первый период войны. Как следствие боязни – во-первых, массовое уклонение от принятия решений, бездумное исполнение приказов вышестоящего командования. Во-вторых, безразличие командиров всех уровней к жизням подчинённых, приказы на бессмысленные атаки с последующим уничтожением целых подразделений, частей и соединений под огнём врага;

в-третьих, примитивный стиль управления войсками, неоднократно отмеченный генерал-полковником Ф. Гальдером и фельдмаршалом Ф. фон Боком в их военных дневниках [4 и 6].

Популярный в войсках Красной Армии оперативно-стратегическим искусством и стремлением избежать излишних потерь К.К. Рокоссовский в мемуарах критически оценивал высших военачальников за «матерный» и разносный стиль управления войсками фронтов в 1941-1942 годах. Так, Г.К. Жуков и В.Н. Гордов часто употребляли мат, несовместимый с честью и достоинством подчинённых генералов и офицеров. Хотя следует заметить, что в Красной Армии на фронте матерщина была в большом ходу на всех уровнях.

В-двенадцатых, утеря военных традиций России в Красной Армии из-за их отбрасывания по идеологическим причинам, отмеченная историком А.И. Уткиным. Отбрасывание военных традиций осуществлялось в общем русле отказа от исторической культуры России, как дворянской и враждебной интересам и вкусам пролетариата. Но в армии это неизбежно означает отбрасывание современной военной мысли и боевого опыта, от принципов и навыков управления войсками – и отставание армии от современного уровня армий вероятных противников.

Тем самым управление войсками и действия самих войск Красной Армии быстро архаизируются в силу невладения достижениями военной культуры первой половины XX века генералами и офицерами с начальным образованием и при отсутствии военного среднего. До 1935 года Красная Армия строилась по устаревшему территориально-милиционерскому принципу, а не на основе кадровых офицеров, унтер-офицеров и хорошо обученных солдат со средним образованием и техническими навыками, как это было в Вермахте. Боевая способность дивизий ополчения (территориальных) в силу их необученности и нестойкости не могла сравниться с кадровыми дивизиями армии, что доказали Московская и Сталинградская битвы.

Генеральный штаб Красной Армии сформировался только к концу 1936 года, его кадровые сотрудники стали и первыми слушателями Академии Генерального штаба, только что образованной по распоряжению ЦК ВКП(б). В Германии же этот военный орган под другим наименованием действовал даже во время запрета иметь его по Версальскому договору.

В силу овладения передовыми технологиями ведения войны Вермахт получал преимущества организации, лучшее качество

войск и управления ими. А среди генералов Красной Армии ходили военные идеи В.И. Ленина 1917 года о самовооружении народа, что не могло не сказаться на качестве войск. Характерно, что начинавший военную карьеру в Гражданскую войну в качестве комиссара полка и бригады И.С. Конев на знаменитом Всеармейском совещании в декабре 1940 года призывал командиров всех уровней глубже овладевать идеями марксизма-ленинизма, как основой побед над противником.

В-тринадцатых, кризис военного самосознания в народных массах, связанный с антисоветским и интернационалистским общественным сознанием. Самой яркой и опасной формой антисоветского самосознания явилось сотрудничество советских граждан из дворянских, казацких, купеческих и кулацких слоёв с оккупантами, в том числе служба в рядах Вермахта. Э. Бивор приводит впечатляющую цифру и характеристику измены Родине: в рядах 6-й армии Вермахта из 330 тысяч служило более 50 тысяч бывших военнослужащих Красной Армии. Они сражались против Красной Армии в условиях блокады армии Ф. Паулюса, жестокого голода и обморожения гораздо мужественнее и упорнее самих немцев, особенно храбро – татары [3, с. 479].

Общая численность таких изменников, по данным военных архивов, насчитывала до миллиона человек. В случае попадания красноармейцев и советских офицеров в плен к ним, по воспоминаниям фронтовиков, они были намного более жестокими к соотечественникам, нежели гитлеровские солдаты и часто прибегали к зверским пыткам. Так что Гражданская война тлела и в недрах Великой Отечественной войны. Характерными фигурами национального предательства были белогвардейский и советский генералы П. Краснов и А. Власов, которых либеральные историки теперь часто выдают за борцов со сталинским режимом. В сознании русского народа никакими разногласиями с политическим режимом, с жестоким правителем страны измена Родине на краю гибели страны не оправдывается.

Значительная часть молодёжи СССР под воздействием идеологии [12, с.85] марксизма надеялась, что в случае войны рабочие Германии и стран-союзниц в силу классовой солидарности повернут штыки против классовых угнетателей и будут браться с воинами Красной Армии. Хотя в СССР одновременно шла массовая подготовка молодёжи для армии по овладению оружием и техникой через Осоавиахим, аэроклубы, училища и техникумы.

В-четырёхнадцатых, уязвимость приграничного размещения важнейших центров оборонной промышленности СССР для захвата вражескими войсками в случае войны на территории страны, а также неизученность положительного и отрицательного опыта России по эвакуации населения и производства из районов боевых действий в Первую мировую войну. Правительством СССР была допущена излишняя концентрация ключевых промышленных предприятий для развития экономического и военного потенциала в зоне досягаемости для удара авиации и танковых соединений противника [7, с. 132].

В-пятнадцатых, неверная оценка масштабов оборонной конверсии промышленности на случай большой войны и провал подготовки резервных управленческих кадров сельского хозяйства перед началом войны.

Во-первых, в 1941 году понадобилась эвакуация около 2000 крупнейших предприятий и взрыв Днепрогэса, перемещение более 12 миллионов человек в восточные районы СССР в неподготовленные условия. Часто производство на новом месте на Урале, в Сибири и Казахстане в условиях поздней осени и даже зимы начиналось в цехах с одними стенами, без отопления, а порой и без крыши. Такие условия требовали от работников самоотверженности, массового героизма.

Во-вторых, с занятием противником западных областей и мобилизацией опытных руководящих и рабочих кадров из сельского хозяйства на фронт во многих восточных областях была сорвана уборка урожая и посевная кампания озимых культур, заготовки запасов продовольствия для нужд государства. Поэтому в ноябре 1941 года постановлением ЦК ВКП(б) были восстановлены политотделы в машинно-тракторных станциях и совхозах для усиления контроля за организацией сельскохозяйственных работ [7, с. 130].

Несмотря на кризис военного самосознания и все допущенные ошибки, Великая Отечественная война 1941-1945 годов в очередной раз доказала: никакой военный гений и диктатор, Бонапарт или Гитлер, не способен победить в войне не на жизнь, а на смерть коллективное творчество и героизм сражающегося за Родину народа, талант его руководителей и полководцев. Народ страны, подавляющей расколу национального самосознания во имя классовой борьбы, расовой исключительности и либеральных ценностей, неизбежно становится игрушкой враждебных ему сил изнутри и извне.

---

**Список литературы**

1. 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной / Сост. Е.Н. Цветаев, В.С. Яровиков. – М.: Политиздат, 1990. – 687 с. : ил.
2. Берия Л.П. «Без Сталина России не быть!» Тайный архив Берия / Лаврентий Берия. – М.: Яуза-пресс, 2012. – 288 с. – (Спецхран. Сенсационные мемуары).
3. Бивор Э. Сталинград / Энтони Бивор; пер. с англ. С. Саксина. – М.: Издательство Колibri, Азбука-Аттикус, 2015. – 608 с.: ил.
4. Бок, Фёдор фон. Дневники. 1939-1945 гг. / Пер. с нем. А. Уткина. – Смоленск: Русич, 2006. – 592 с. : ил. – (Мир в войнах).
5. Василевский А.М. Дело всей жизни. – Изд. 3-е. – М.: Политиздат, 1978. – 552 с. – 18 л. ил. и карт.
6. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942) / Франц Гальдер. – М.: Астрель, 2012. – 704 с.
7. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941-1945 гг. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 400 с.
8. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: Вече, 2015. – 640 с.: ил. – (Военные мемуары).
9. Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941-1945 / Пер с англ. Н.Б. Черных-Кедровой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 491 с. – (Вторая мировая война).
10. Кожин В.В. Россия. Век XX (1939-1964). (Опыт беспристрастного исследования). – М.: Алгоритм, 1999. – 400 с.
11. Конев И.С. Записки командующего фронтом. – М.: Воениздат, 1991. – 608 с.: 12 л. ил. – (Библиотека избранных военных мемуаров).
12. Панов А.И. Идеино-политическое противоборство СССР и гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны // Роль СССР в разгроме фашистской Германии во Второй мировой войне и послевоенном устройстве мира: исторические реалии и попытки фальсификации истории: М-лы н.-практ. конф, посв. 65-летию победы СССР в В.О. в-не (28-29 апреля 2010 г.) –М.: МГИУ, 2011. – С. 84-92.
13. Рокоссовский К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. – М.: Вече, 2013. – 400 с. : ил. – (Путь русского офицера).